

Рихард
Вильгельм
Гельмут
Вильгельм

**ПОНИМАНИЕ
«И ЦЗИН»**

Издательство
«НОВЫЙ АКРОПОЛЬ»

Рихард
Вильгельм

Гельмут
Вильгельм

**ПОНИМАНИЕ
«И ЦЗИН»**

*Перевод с немецкого и английского
В. Б. Курносовой*

*Издание третье,
исправленное*

Москва
Издательство
«Новый Акрополь»
2012

УДК 291.32
ББК 87.3(5 Кит)
В 46

Серия «Традиция, религия, культура» основана в 1996 г.

Вильгельм Рихард, Вильгельм Гельмут

В 46 Понимание «И цзин»: Сборник / Пер. с нем., англ.
В. Б. Курносовой. — М.: «Издательство „Новый Акрополь“, 2012. — 224 с. — (Традиция, религия, культура).
ISBN 978-5-91896-036-3

«И цзин» — «Книга Перемен» — древнейший китайский трактат, сложившийся в середине I тысячелетия до н.э. Пытаясь донести до европейского читателя философию древних китайских текстов, известные немецкие синологи Рихард и Гельмут Вильгельмы просто и образно рассказывают об основах китайской философии и психологии, проводя параллели с европейской традицией. Основой книги послужили лекции, в которых на примере нескольких гексаграмм рассказывается о понятии Перемен, о роли человека в мире, о том, как можно научиться преодолевать кризисы, об удивительных процессах, происходящих в человеческой душе и в современном мире, о сути искусства, о понимании жизни и смерти и о многом еще. Эта книга может стать первым шагом в изучении философии Китая, делая ее немного ближе, понятнее, позволяя увидеть не застывшую традицию, а живое древнее знание.

УДК 291.32
ББК 87.3(5 Кит)

ISBN 978-5-91896-036-3

© В. Б. Курносова,
перевод, составление, 1998
© Издательство
«Новый Акрополь», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Курносова. Рихард Вильгельм и «И цзин»</i>	5
--	---

Рихард Вильгельм.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ И ПОСТОЯНСТВО	7
Противостояние и соучастие	9
Цикл событий ба гуа	9
От противостояния к соучастию	30
Суть искусства	47
Песня и воплощенный образ	47
Дух музыки	64
Искусство жизни	76
Постоянство в изменении	86
Терпение	87
Воплощение формы	100
Деперсонализация	114
Смерть и обновление	130

Рихард Вильгельм. ИЗБРАННЫЕ ГУА:

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ	157
Сяо чу, «Удерживание малым»	160
Люй, «Поступь-Поведение»	164
Юй, «Вдохновенность»	167
Би, «Красота»	172

Да чу, «Удерживание великим»	175
Куй, «Противостояние»	179
Цзин, «Колодец»	183
<i>Гельмут Вильгельм. ПЕРЕМЕНЫ</i>	187
Понятие Перемен	188
Два основных принципа	200
Приложение	213
Указатель имен	214
Указатель китайских терминов и произведений.....	215

РИХАРД ВИЛЬГЕЛЬМ И «И ЦЗИН»

Рихард Вильгельм (1873–1930), протестантский миссионер, приехал в Китай в возрасте 26 лет для работы в миссии на Циндао, острове на северо-востоке китайских территорий. Он сразу начал учить язык, и через шесть лет появились первые переводы и статьи. В Германию он вернулся с репутацией одного из ведущих синологов своего времени. Через два года, в 1922 г., Вильгельм вновь отправляется в Пекин, сначала работает при немецком посольстве, затем профессором немецкой литературы и философии в Пекинском университете. В 1924 г. он принимает предложение Франкфуртского университета и возвращается на родину, чтобы занять место профессора китайской литературы недавно открытой кафедры синологии. Последующие шесть лет заполнены лекциями, переводами, исследованиями. При его участии в 1925 г. был открыт Китайский институт, провозгласивший целью своей работы распространение знаний о Китае. Ни как миссионер, ни как ученый Вильгельм не замыкался на себе и своей работе. В Германии он поддерживал тесное общение с людьми, отличавшимися такой же широтой интересов и восприимчивостью к другим культурам, — Мартином Бубером, Германом Гессе, Карлом Густавом Юнгом.

Миссионерская выучка оказалась замечательной прививкой против академизма. Вильгельм просто не верил в

идеи, взятые сами по себе, отдельно от воспринимающих их человеческих существ. Идеи остаются живыми только тогда, когда их принимает, развивает и трансформирует кто-то живущий ныне. Поэтому для Вильгельма «И цзин» — тело живой традиции, а не литературное наследие. Может быть, именно это отношение помогло ему получить текст «из первых рук».

После китайской революции 1911 г. многие выдающиеся ученые старой школы, воспитанные на канонах двухтысячелетней традиции, переехали на Циндао. Вильгельм познакомился с одним из них — лао Найсюанем (1843–1921), и в 1913 г. они приступили к совместной работе над переводом «И цзин». Лао Найсюань «объяснял текст на китайском языке, я делал заметки для себя и переводил текст на немецкий. После этого я переводил немецкий текст обратно на китайский без обращения к оригиналу, лао Найсюань проверял, насколько моя версия отвечает первоисточнику. Затем следовала стилистическая шлифовка и детальное обсуждение немецкого текста. На этой стадии я перерабатывал каждый отрывок по три-четыре раза и добавлял необходимые комментарии. Так рос перевод».

Книга «Изменчивость и постоянство» — это посвященный «И цзин» цикл лекций, прочитанный Р. Вильгельмом в период с 1926 по 1929 гг. В дополнение приводятся тексты к отдельным упоминаемым в книге гуа в переводе Р. Вильгельма с его комментариями, выдержанными в духе классического конфуцианства. В настоящее издание вошли также под общим названием «Перемены» две лекции, прочитанные в кругу друзей в Пекине зимой 1943 г. Гельмутом Вильгельмом (р. 1905) — сыном Вильгельма, известным синологом.

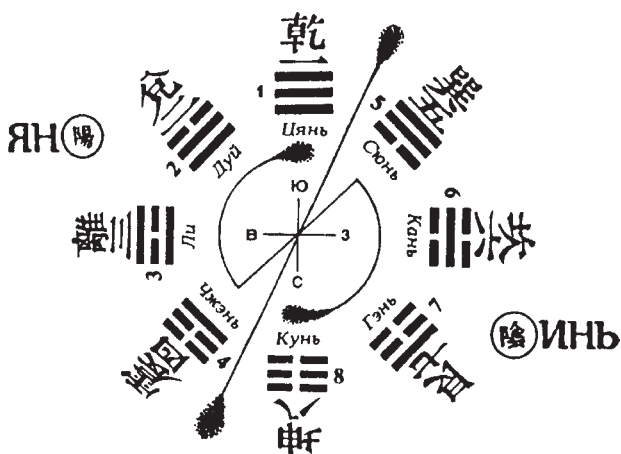
В. Б. Курносова

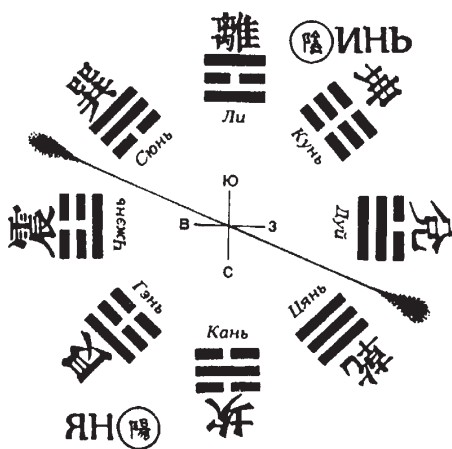
ИЗМЕНЧИВОСТЬ И ПОСТОЯНСТВО

Рихард
Вильгельм

Восемь знаков гуа прежнего Неба (порядок Фу-си)

Восемь знаков гуа последующего Неба

ПРОТИВОСТОЯНИЕ И СОУЧАСТИЕ

ЦИКЛ СОБЫТИЙ БА ГУА

Если мы хотим понять «Книгу Перемен», «И цзин», то следует уяснить, что изначально она предназначалась для гадания и давала положительные или отрицательные ответы на определенный круг вопросов. Целая черта означала «да», а прерванная — «нет». Однако уже в глубокой древности смысл гадания не исчерпывался методом, и с течением времени несложная процедура превратилась в способ постижения мира. В то время как в Европе все сводится к категории чистого бытия, в китайской мысли решающую роль играет концепция изменения. Таким образом, китайская философия занимает промежуточную позицию между буддизмом и философией существования. Если принять в качестве полярных противоположностей буддизм, для которого все существующее не более чем иллюзия, и философию существования, которая существование осмысляет как реальность в мире иллюзорного становления, то китайское мировоззрение выступает как попытка их примирения — посредством введения времени. Когда встречаются два несовместимых условия, они могут сосуществовать, следуя друг за другом во времени, переходя друг в друга. Это и есть главная идея «И цзин»: время порождает одновременно противостояние и соучастие.

Но почему необходимо принять за основу противоположности? Из практического опыта известно, что все переходит в свою противоположность. В сущности, наличие противоположностей и делает возможным опыт. Без противопоставления субъекта и объекта немислимо сознание и познание вещей; на контрасте света и тьмы зиждется чувственное восприятие. Противоположности необходимы, чтобы вспыхнул свет сознания. Но в «И цзин» противоположности не есть нечто самодовлеющее, они — лишь состояния, сменяющие друг друга. Так само противостояние становится относительным. Все дело в выборе правильного отношения. Если выбор верен, стремление к одному полюсу, подразумевающее негативное отношение к другому, сменяется свободным движением в потоке времени и переживанием противостояния в себе самом. При этом вся работа по адаптации к конфликту во внешнем мире совершается внутри. Если удастся сохранять гармонию между внутренним «Я» и окружающим миром, мир — при всем многообразии проявлений — не причинит вреда. Пожалуй, эта идея — главный вклад Кун-цзы (Конфуция)¹ в «И цзин». Среди других китайских мудрецов Кун-цзы можно определить как философа приуроченности. Так, в соответствии с одним из его высказываний, не имеет смысла вырабатывать раз и навсегда определенное отношение к явлениям мира и следовать ему при любых обстоятельствах. Негибкость приведет к результату, прямо противоположному ожидаемому, и битва будет длиться вечно. А так как в

¹ *Конфуций* (551–479 до н.э.) — латинизированный вариант имени Кун Фу-цзы, или Кун-цзы. Кун-цзы прожил жизнь странствующего философа, которому так и не удалось приложить свои таланты на государственном поприще. Сначала он вошел в историю как первый основатель частной школы и один из многочисленных философов эпохи воюющих царств, но через несколько столетий превратился в каноническую фигуру, в культурного героя двух последних тысячелетий. Факт незамысловатый, но удивительный: родовое кладбище Конфуция в современной провинции Шаньдун не пострадало даже во времена печально знаменитой культурной революции. — *Прим. пер.*

соответствии с этим законом момент победы одновременно является поворотной точкой, ни одной из сторон не суждено достичь окончательной победы. Следует пребывать в гармонии со своим окружением: богатому — вести себя так, как принято у богатых, бедному — как положено бедным, а среди варваров — так, как сложилось у варваров. Таким образом достигается равновесие между внутренним «Я» и окружающим миром.

Для достижения гармонии необходимо занять правильную срединную позицию. Время, как было сказано, необходимо для восприятия противоположностей. Важно перестать быть игрушкой в руках времени, ведь время становится истинно реальным лишь для воспринимающего его из неподвижной точки. До тех пор пока нас бросает от одного мгновения к другому, пока воображение исправно воспроизводит фантазии нашего прошлого и мы обращаемся то со страхом, то с надеждой в будущее — мы не более чем вещи среди вещей, предоставленные произволу судьбы, подобно любым другим механическим объектам. Но когда удается воспринять в некоей срединной точке и время, и его противоположность, не отринув ничего, круг замыкается и время переживается как Вечность. Это переживание и есть гармонизация времени. В этом пафос изречения

Цзюнь-цзы¹ в соответствии со своим положением поступает и не желает иного. Среди богатых и знатных поступает как богатые и знатные; среди бедных и низких поступает как бедные и низкие; среди варваров поступает как варвары; в бедствии поступает как терпящий бедствие. Цзюнь-цзы, куда бы ни попал, обретает в себе это.

«Чжун юн» 14

¹ Цзюнь-цзы (букв.: государь-мудрец) — идеальная личность, живущая по законам Дао, способная гармонизировать внутреннее и внешнее, соединяющая все уровни мира друг с другом. — *Прим. пер.*

из «Чжун юн»¹ об «осуществлении срединного и гармоничного» (1-й чжан). Это — сердце конфуцианской доктрины.

Говоря о противоположностях в «И цзин», необходимо помнить об абстрактности представленного материала. Конечно, все образы содержат конкретные символы, но любой образ ведет в бесконечное пространство взаимоотражений. Возьмем, например, символ Инь. Инь может быть женой, но также и сыном, может указывать на министра, а в некоторых ситуациях может представлять эмоциональные элементы в противовес интеллектуальной сфере. Инь соотносится с вегетативной природой в человеке, с анимой в противоположность анимусу. И наоборот, Инь может символизировать мужское начало в женщине, присутствующее как производное качество в любом женском существе. То есть Инь всегда не первичная сущность, а элемент, полученный из других. Так возникают противоположности. Взаимодействие вездесущее; важны не заданные раз и навсегда понятия, но отношения между ними — жизнь понятий, в которой проявляется динамика противоположностей. Противоположности вызывают друг друга, и именно поэтому с их помощью человек может гармонизировать мир.

По «И цзин», основа всего существующего — *Тайцзи*. Тайцзи (Великий Предел) — это Верховный Абсолют, выход в феноменальное; единое, или, другими словами, то, откуда произошло все. Но, в отличие от западной традиции, в Китае проявление единого означало рождение его противоположности. Гете как-то сказал, что любое категоричное

¹ «Чжун юн», «Срединное и неизменное» — небольшой древний трактат философского характера, традицией приписываемый Цзы Сы (492–431 до н.э.), внуку Кун-цзы и его ученику во втором поколении. С начала нашей эры «Чжун юн» входит в состав конфуцианского канона и постепенно становится одной из первых книг, изучаемых в процессе классического образования. Благодаря афористическому стилю трактата фразы и речения из него стали достоянием всех образованных китайцев вне зависимости от принадлежности к конфуцианству, даосизму или буддизму. — *Прим. пер.*

высказывание несет в себе противоречие. То же и здесь: если единое представить линией в пространстве, возникает его противоположность. Пространство оказывается разделенным на верхнее и нижнее или, при другом расположении линии, на правое и левое, переднее и заднее. Шестеричная развертка пространства, как это описывается в китайской философии, задается разными положениями одной линии. Более того, эта линия вызывает к жизни полярную двойственность; первичный положительный полюс обозначается целой чертой (Ян), а вторичный отрицательный полюс — прерванной (Инь). Вместе с первоначальной линией они составляют триаду¹ как основание реальности. Поэтому в «Дао Дэ цзин» сказано: «Одно рождает два; два рождает три; три рождает всю тьму вещей».

Тайцзи

Начало феноменального мира задается этими тремя понятиями. А что касается *у вэй* — «недеяния», равно важного и для даосизма, и для конфуцианства, это понятие никак не соотносится с квиетизмом в нашем понимании. *У вэй* — это готовность исполнять в феноменальном мире роль, predetermined в каждый момент временем и окружением.

Количество возможных комбинаций прерванных и целых черт составляет два в третьей степени, что равно восьми: $2^3=8$. Поэтому энергии, формирующие реальность, в «И цзин» представлены восемью возможными первичными знаками, или триграммами *ба гуа*.

Приписывая янской черте свойство силы, а иньской — податливости (соответственно, позитивности и негативности), получаем следующие восемь знаков гуа:

¹ Под *триадой* в Китае подразумевается одно из важнейших понятий традиционного китайского мировоззрения — *сань цай* — «три материала», «три дара», «три богатства»: Небо, Земля и соединяющий их Человек. — *Прим. пер.*

Кунь	Гэнь	Кань	Сюнь	Чжэнь	Ли	Дуй	Цянь
Старый Инь		Молодой Ян		Молодой Инь		Старый Ян	
Инь				Ян			
Великий Предел							

Схема порождения восьми знаков гуа

Первый знак гуа *Цяннь* ☰, «Творящее». Все три составляющие *Цяннь* черты — сильные. *Цяннь* представляет Силу и Цельность, которым присуще неуклонное стремление вперед. *Кунь* ☷, «Воспринимающее», знак гуа, состоящий из трех прерванных черт, является противоположностью *Цяннь*. Если *Цяннь* считать временем, то *Кунь* будет пространством. Время имеет одно измерение и всегда движется вперед. Для *Цяннь*, «творящего», не существует возвратного движения. Его можно только остановить, но если *Цяннь* слабеет, оно просто исчезает. *Кунь*, «пространственное», не движется, или, скорее, оно обладает внутренним движением, понимаемым как саморазделение, и состоянием покоя как

Лошадь — символ Кунь

замыканием в себе. Следовательно, движение *Кунь* никогда не направлено на объекты, это — движение внутри себя.

Цянь и *Кунь* образуют основную пару противоположностей, представленную в мире. Из более знакомых образов ей

Дракон — символ Цянь

соответствуют Небо и Земля, или Бог и природа, как назвал бы их Гете. Но нельзя забывать, что это — лишь образы, не заданные жестко, некие отправные точки мышления. Все подвижно, подвержено изменениям, текуче. Так, один образ может указывать на духовное, другой — на материальное. В области духовного первый — «творящее» — представляет интеллектуальный аспект, а второй — эмоциональный. В бесконечной перспективе значение образов определяется отношениями, возможными между гуа.

С *Цянь* ☰, отцом, и *Кунь* ☷, матерью, соотносятся шесть детей. Мать берет от отца, «Творящего», одну черту, и так получается образ старшего сына ☰☰, похожий на образ матери. (В соответствии с этой идеей считается, что сыновья идут в мать, а дочери — в отца, но можно говорить и о более далеких предках.) Средний сын ☰☷, младший ☷☰.

В образах дочерей все наоборот. У старшей дочери $\equiv \equiv \equiv$ отцовский принцип сверху, главная черта — женская. Затем идут средняя дочь $\equiv \equiv$ и младшая $\equiv \equiv \equiv$. Эти образы составляют восемь первичных знаков — ба гуа:

$\equiv \equiv \equiv$ Цянь, «Творящее»	$\equiv \equiv$ Кунь, «Воспринимающее»
$\equiv \equiv$ Чжень, «Возбуждающее»	$\equiv \equiv \equiv$ Сюнь, «Мягкость»
$\equiv \equiv$ Кань, «Бездонное»	$\equiv \equiv \equiv$ Ли, «Принимающее»
$\equiv \equiv$ Гэнь, «Покоящееся»	$\equiv \equiv \equiv$ Дуй, «Радостное»

Старший сын, Чжэнь $\equiv \equiv$, — изменчивая энергия, «Возбуждающее», («толчок», «Импульс»); например, электрические токи, блуждающие в земле ранней весной.

Эта энергия по-другому воплощается в среднем сыне, Кань $\equiv \equiv$. Теперь это Вода, точнее, Вода в движении: «К Небу она поднимается, низвергается с Неба, вечно меняясь». Это — водопад, разбивающийся в брызги, поднимающийся облаками и проливающийся вновь дождем. Это — «Бездонное», не знающее пределов, безвозвратное погружение в глубины. Движение представлено активной центральной чертой, ограниченной снизу и сверху двумя прерванными чертами.

Движение достигает предела в младшем сыне, Гэнь $\equiv \equiv$, «Покоящемся» («Пребывающем», «Неподвижном»), Горé. Здесь сильная линия — вверху, податливые — внизу; движение стремится уподобиться росту растений, так как в Китае гора вписана в понятийный контекст, совершенно отличный от европейского. В Китае гора — это часть окружающего мира; часть лесов, растущих на ее склонах; часть растений, дающих побеги благодаря ей; часть животных, размножающихся на ней, и часть облаков, несущих влагу на окрестные поля. Гора представляется центром жизни. Именно эта идея — в основе Гэнь, «Покоящегося». В этом знаке гуа Небесное сконцентрировано на Земле, снизу — Земное, сверху — Небесное, потому благотворные атмосферные влияния притягиваются к земле, и жизнь приходит в гармонию.

То же движение в гуа-дочерях. Старшая — *Сюнь* ≡≡≡, «Мягкость», «Проникающее». Ее образ — Ветер. Ветер — это то, что проникает в любую расщелину, не применяя для этого никакой силы; ветер присутствует везде, так как он бесплотен. Интересно сопоставить *Сюнь* с противоположным ему знаком, *Чжэнь* ≡≡. *Чжэнь* — это импульс, подобный электрическому, Гром («молния», сказали бы в Европе, хотя здесь их суть едина), в то время как *Сюнь* — вторжение воздуха. *Сюнь* ближе к материальному, чем *Чжэнь*, и потому движение *Сюнь* иное: *Чжэнь* хотя и очень подвижен, но не активен, — она же применяется к обстоятельствам. *Сюнь* приникает, облекает и, благодаря пластичности, реализует свое устремление. *Сюнь*, кроме прочего, — Дерево, корни, прорастающие всюду, чтобы получить жизненные соки из земли.

В структуре *Ли* гуа ≡≡≡ сильные линии снаружи, податливая — внутри. Его образ — Огонь, «Пристающее», «Приникающее». Огонь не может существовать сам по себе, не бывает пламени без воспламеняющегося вещества. Замечательно, что восточное и западное мышление по-разному понимают этот процесс. Для европейского сознания элементы, такие как Огонь, до самого последнего времени оставались веществами. Европейцы думали о Воздухе, Огне, Воде, Земле как о веществах. В Китае Огонь воспринимали иначе, в нем видели не субстанцию, а событие, явление, соотношенное с другими явлениями. Пламя существует постольку, поскольку есть дерево. Поэтому приникнуть к чему-то значит иметь это что-то основанием; отсюда «Ясность», «Свет». В этом снова проявляется противоположность *Ли* ≡≡≡ и *Кань* ≡≡≡. Отличие европейского и китайского подходов особенно заметно, если перенести эти понятия на уровень космического. Здесь *Ли* — это Солнце, зависящее от Неба. Мы видим в Солнце источник света, а в Китае оно — нечто второстепенное, скорее, концентрация небесного света: освещающий Землю свет сконцентрирован в Солнце. Но само Солнце — полностью во власти Неба. На этом уровне *Кань* — Луна. И поэтому про вогнутые зеркала в Китае говорили,

что они «собирают огонь солнца», а про выпуклые — что они «собирают воду луны».¹

Движение достигает кульминации в младшей дочери, *Дуй* ≡ ≡, «Радостном», «Просветленном». В ней податливая верхняя черта дополняет сильные нижние черты. Символ *Дуй* — улыбающийся рот, улыбка и радость, но с оттенком грусти. Символика знаков любопытно соотносится со временами года: *Чжэнь* — весна, *Дуй* — осень. Осень радостна; это пора урожая, время, когда перевозят собранное на полях в хранилища. Но при всем ее веселье, осень — время подведения итогов. Осень — начало смерти. За позолотой ее веселья скрыта суровость, еще не проявленная, но уже ставшая неотъемлемой частью настоящего. В мире природы *Дуй* символизирует Озеро, но Озеро не как воду, а как сияющий отражающий феномен, например, озеро у подножия горы (*Дуй* также соответствует металлу). *Дуй* может быть и дымкой, поднимающейся над озером и стелющейся по земле, неподвижной, затуманенной водой, озером или болотом. Другими словами, водой в аспекте, не отраженном в *Кань*, символе активной воды. *Дуй* — это атмосферная вода в состоянии покоя. *Гэнь* ≡ ≡ пребывает в земных пределах, но жизненную силу Гора обретает через свой небесный аспект. *Дуй* ≡ ≡, напротив, — покоящийся аспект небесной воды, а источник ее радости — в земных делах. Гора и Озеро, таким образом, составляют контрастную пару.

В «Книге Перемен» первичные гуа представлены в двух различных последовательностях в зависимости от организуемых принципов.

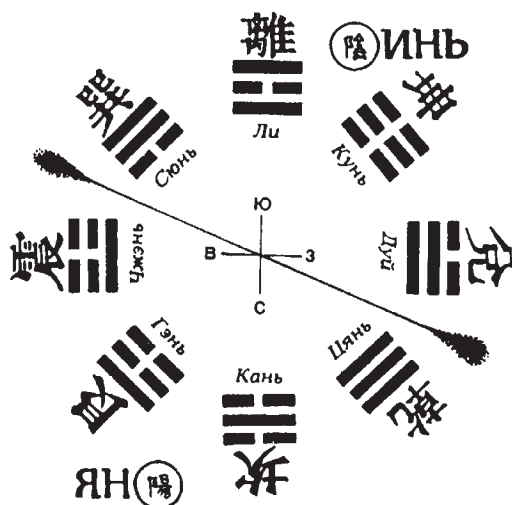
«Шо гуа»² дает содержательную медитативную схему, представляющую жизнь в виде замкнутой серии повторяю-

¹ Здесь мы сталкиваемся с неверной интерпретацией наблюдаемых природных явлений: если ровное зеркало направить холодной осенней ночью на луну, на его поверхности действительно будет собираться роса; подобным же образом направленный на солнце отражатель даст огонь.

² «Шо гуа» (можно перевести как «Обсуждение гуа») является одним из «Десяти крыльев», классических комментаторских текстов, входящих в корпус «И цзин». — *Прим. пер.*

щихся изменений. Воспроизводим здесь эту схему со сторонами света и временем суток (север — вверху, как это принято в европейской традиции).

На схеме изображена развертка жизни в пространстве и во времени. Пространство привязано к сторонам света, перемещение солнца по небосклону отражает развитие на земном плане. По мере того как время изменяется, пространственные противоположности сменяют друг друга, в конце кон-

Восемь знаков гуа в порядке Вэнь-вана

цов замыкаясь в гармоничное целое. Таким образом, *ба гуа* часто распределяют по времени суток, и, конечно, их легко соотнести со временами года. Со временами года также связан цикл из 12 гуа-гексаграмм, так называемых *пи гуа*, но он построен на основе других принципов, поэтому здесь мы его не касаемся.

Итак, *ба гуа* соотносятся со временем суток и сторонами света, а кроме того, с состояниями психики. В начале второй части «Фауста», например, тоже прослеживается соответствие

определенных психических состояний ночным часам. Фауст, уставший от жизни, переживает прилив жизненных сил после 11 часов ночи. В этой сцене идеи Гете поразительно звучны «Книге Перемен».

Присущее каждому из восьми пространственно-временных периодов воздействие реализуется на временном отрезке длиной в три часа и достигает максимума в середине периода. Например, первая стадия продолжается с 4:30 до 7:30, точка наивысшего развития приходится на 6:00 — время идеального восхода солнца. Кроме того, рассматриваемая концепция предписывает расположиться в середине круга лицом на юг. Тогда движение слева направо становится психологически естественным.

Перейдем к описанию стадий в соответствии с тем, как они даны в «Шо гуа».

1. Божество выступает вперед в знаке *Чжэнь*.

Божество
выступает вперед
в знаке *Чжэнь*,
приводит все сущности
к завершенности
в знаке *Сюнь*,
дает увидеть друг друга
в знаке *Ли*,
дает служить друг другу
в знаке *Кунь*,
дает радость в знаке *Дуй*,
ведет битву в знаке *Цянь*,
трудится в знаке *Кань*,
делает завершенным
в знаке *Гэнь*.
«Шо гуа» 2.5

Здесь божество понимается как выражение вновь пробудившейся жизненной энергии. *Чжэнь* гуа , «Возбуждающее» («толчок»), обозначает момент, когда жизнь начинается сызнова. Целая небесная черта внизу символизирует чистую силу, задача которой — привести земной план в движение. Солнце встает, ночь перетекает в рассвет, вещи обретают реальность. Первыми — со сбрасыванием покрывала сна — пробуждаются к жизни самые глубокие пласты психики. Само это действие намечает связь с внеш-

ним миром. Поэтому здесь, в самом начале дня, должно принять сознательное решение. Пусть в этом первом движении жизни вещи еще отстоят далеко; как раз пока они далеко, следует повлиять на зарождающийся мир так, чтобы не допустить приближения неблагоприятного. Знак *Чжэнь*, «Возбуждающее», очень активен. Природа этой активности определяет, чем обернется для нас происходящее в окружающем мире. Как солнце, начинающее свой путь по небосклону, подобно герою, которому суждено стать победителем, человек должен сознательно предвидеть победу в каждодневной битве и активно предвосхищать день и дневные труды еще до того, как ему положено начало, когда все еще в процессе зарождения.

2. Следующая стадия, *Сюнь гуа* ䷮, переносит нас из области спонтанной субъективности в сферу объективной реакции. В «Шо гуа» сказано:

Оно приводит все сущности к завершенности в знаке *Сюнь*.

Сюнь, «Мягкость», выражает идею проникновения. Это знак проявления формы. Начинается день, и жизнь, приближаясь, вдруг становится реальностью. Забытые за ночь разнообразные жизненные потребности — вновь с человеком, во всех своих деталях, и важно отдать им должное. Поэтому более распространенное объяснение гласит: «Завершенность означает, что все сущности становятся чистыми и совершенными». Вещам возвращена реальность. Любопытна концепция, согласно которой объекты время от времени теряют реальность, но обретают ее снова, когда человек, обращая на них свой интерес, вновь наделяет объекты значимостью. Эта идея психологически очень точна. Если мы теряем интерес к какому-либо объекту, он перестает существовать для нас. Он исчезает в хаотической массе всеобщего бытия, которое к нам не имеет ни малейшего отношения и несущественно для нас. Человек обращает внимание только на те объекты, с которыми он может установить связь, позволив чему-то от себя перетечь в них. Так мы создаем себя и, как следствие, мир вокруг нас — каждый день заново. Посему

имеет смысл отстраивать наш мир с осмотрительностью и заранее определять меру заинтересованности в той или иной вещи. В любом случае придется тратить силы. Если к тому же менять направление этой силы, ставить на ее пути преграды, неизбежно накопление отрицательных результатов. Итак, разумнее выбрать объекты нашего внимания до того, как они окажутся слишком близко. Промедление или отказ от выбора приведут к тому, что объекты сами заявят свои права на наше внимание вне зависимости от наших намерений. Такое внимание, вырванное у пассивного наблюдателя, как правило, дисгармонично. Но, подготовив начало наступающего дня вовремя, то есть когда божество выступит вперед в знаке «Возбуждения», можно прожить день в гармонии. В предвосхищении этой гармонии мы должны решить, что желаем пережить в течение дня, и не колеблясь придать форму будущим переживаниям, в соответствии со своей природой и с принятым решением. Хотя подобное отношение требует отстраненности, она никогда не переходит в отторжение, она сберегает силы и дает возможность эффективно использовать свою энергию.

Перед нами — первая пара противоположностей: *Сюнь*, «Мягкость», следующая за *Чжэнь*, «Возбуждающим». Следование во времени друг за другом примиряет эти противоположности, и именно во времени человек впервые выбирает то, что позже определит круг его занятий. Единожды выбрав, мы сможем достичь цели, не совершая действий, ведь мы уже распорядились своим вниманием, а реальным становится лишь то, что значимо. Все причиняющее беспокойство мы отодвигаем на задний план. Если же устранить источник беспокойства невозможно, если неизбежно столкновение с проблемой, мы приготовимся встретить ее с мягкостью, а не с жесткостью. Жесткость никогда ничего не разрешает, она лишь придает нежелательному более четкие очертания. А Ветер, «Мягкость», способен растворять. Не от мягкости ли весеннего ветра тают льды, затвердевшие в зимних бурях?

3. Наступает полдень, высшая точка дня. Это время проходит под знаком *Ли гуа* ≡≡≡ («Приникающее», «Свет»).